

ЛИПА ВЕКОВАЯ

Иван Глебович Коннов родился в 1945 году в селе Ивановке Асекеевского района. После службы в армии окончил Оренбургский педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу в одной из бузулукских школ, работал в партийных органах, в областном киноvideообъединении и администрации области. Член Союза писателей России. Автор нескольких литературоведческих книг и многочисленных газетных и журнальных литературно-краеведческих очерков, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» и.м. Валериана Правдухина. Живёт в Оренбурге.

Когда я слышу по радио или на старой пластинке эту старинную, бесконечно грустную песню в исполнении Лидии Руслановой, я неизменно вспоминаю моего дядю — фронтовика Петра Матвеевича Харламова. Он очень любил её, часто напевал, очевидно, находя в ней что-то своё, сокровенное. Теперь, когда его уже 50 лет нет в живых, я думаю о том, что многое в его изломанной войной судьбе сложилось так, как в этой песне.

Виделись мы с дядей довольно редко — он жил на Украине; но несколько лет, вплоть до его преждевременной кончины в 1975 году, состояли в переписке, обсуждая различные стороны нашего беспокойного во все времена бытия. Его редкие рассказы о войне были интересны тем, что как натура художественная и достаточно интеллектуальная он хранил в памяти не всегда доступные обыденному зрению эпизоды того сурового времени.

Пётр Матвеевич Харламов родился в 1921 году в селе Покровка Абдулинского района. В семье крестьянина-бедняка он был самым младшим из пяти сестёр и братьев. С детства тянулся к знаниям, очень любил книги. Как одарённый выпускник средней школы был направлен на педагогические курсы, окончив которые работал учителем начальных классов в абдулинском селе Гореловке.

Дядю мобилизовали в первые же дни войны, но прежде чем попасть в действующую армию, он окончил в Куйбышеве курсы авиационных техников. На всю жизнь он запомнил день отправки на фронт. Враг уже стоял под Москвой, многие тысячи людей в тылу получили похоронки и извещения о пропавших без вести близких. Это придавало проводам на фронт глубоко дра-

матичный характер. Казалось, что смерть своим чёрным крылом уже коснулась многих из собравшихся на вокзале людей. У воинских эшелонов разворачивались душераздирающие сцены. Дядя вспоминал, как вдруг в зале ожидания среди гвалта и шума, плача и криков заиграла гармонь, и чей-то голос с надрывом и невыразимой тоской запел песню-вальс «На сопках Маньчжурии». Неведомый исполнитель будто угадал настроение людей. В зале воцарилась тишина. Молча внимая старинному реквиему павшим русским воинам, каждый думал о том, что ждёт его перед лицом внезапно нависшей над страной смертельной опасности.

По свидетельству дяди, сильнейшее воздействие как на фронтовиков, так и на мирных граждан оказало выступление

Село Покровка Абдулинского района, где родился, жил и откуда ушёл на фронт П.М. Харламов.

Высадка советского десанта на Керченский полуостров. Декабрь 1941 года.

Сталина по радио 3 июля 1941 года. Особенно поразили первые его слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» То, какое впечатление на советских людей произвела эта речь, замечательно описано в романе К. Симонова «Живые и мёртвые»:

«Сталин говорил глухо и медленно, с сильным грузинским акцентом. Один раз, по середине речи, было слышно, как он, звякнув стаканом, пьёт воду. Голос у Сталина был низкий, негромкий... И в несоответствии этого ровного голоса трагизму положения, о котором он говорил, была сила. Она не удивляла: от Сталина и ждали её».

Страшно представить себе, что стало бы с нашей страной, если б в ту грозную годину ею

руководил не человек железной воли, а кто-либо из позавчерашних кремлёвских старцев, немощных и косноязычных...

Боевое крещение Пётр Матвеевич принял в Крыму, где в конце 1941 года началась крупная десантная операция с целью отбить у немцев Керченский полуостров и помочь окружённому Севастополю. Высадка десанта происходила в тяжёлых условиях, с большими потерями, но завершилась взятием большей части полуострова.

Дядя рассказывал, как на крейсере «Красный Кавказ» их высадили в Феодосии. Город был уже взят передовыми частями. В порту и на улицах валялись трупы немцев. Некоторые были полуголые; фашисты, застигнутые врасплох, выскакивали из домов в чём попало и падали, сражённые пулями. Они готовились

не к бою, а к встрече Рождества. В офицерских квартирах находилось съестное со всего европейского континента: французские вина и коньяки, голландский сыр, датская колбаса, украинское сало, русская икра.

Местное население с надеждой встретило наших воинов. Люди поведали о том, что они пережили под пятой оккупантов. В городе орудовали карательные отряды, от которых особенно пострадало еврейское население. Один из гиммлеровских карательных отрядов уничтожил несколько тысяч евреев и закопал их трупы в глубоких рвах за стенами города. Впрочем, немцы не щадили никого, занимаясь грабежами и разбоями. Дядя вспоминал рассказ старика-пчеловода о том, как пьяная солдатня

явилась к нему на пасеку полакомиться мёдом. Совершенно не замечая хозяев, немцы направились прямо к ульям. Пчёл сразу же атаковали незваных гостей — известно, что они не выносят винный запах. Тогда один из солдат достал пистолет и открыл по ульям пальбу. Тут уж вовсе немцам пришлось спасаться бегством от разъярённых пчёл. «Все ульи мне испортили, негодяи», — сокрушался старик. «Хорошо, что самого тебя не порешили, батя», — успокаивали его бойцы.

Успешно начатая десантная операция закончилась для наших войск серьёзной неудачей. Командование не учло тот фактор, что немцы безраздельно хозяйничали в воздухе. Налёты на Керчь и Феодосию не прекращались ни на час. Врагу удалось

Гитлеровцы на улице оккупированной Керчи.

Таким встретил День Победы
П.М. Харламов.

потопить несколько транспортов с боеприпасами, поэтому зенитные орудия молчали. Одна из бомб попала в здание штаба армии и разом вывела из строя всё руководство. В конце января город пришлось оставить. 8 мая 1942 года немцы повели решительное наступление в Восточном Крыму. Оно началось с массированного воздушного налёта, который мой дядя сравнивал с крошечным адом. Наши войска отошли к окраинам города и пытались там закрепиться, чтобы дать возможность основным силам фронта переправиться на Таманский полуостров. Но провести организованно эвакуацию не удалось. Тысячи людей оказались прижатыми к морю и стали лёгкой добычей немецкой авиации

и артиллерии. Плавсредств не хватило, поэтому далеко не многим удалось преодолеть Керченский пролив. Как свидетельствовал дядя, некоторые смельчаки вставляли между плоскостями самолётов У-2 и, держась за тросы, спасались по воздуху.

Дяде удалось спастись чудом. Уже на самом берегу его тяжело ранило в ногу. Осколок вонзился в бедро в том месте, где в кармане комбинезона лежали плоскогубцы. Товарищи буквально в последний момент забросили его на борт отплывавшей баржи. Как пересекли пролив, что было дальше, дядя уже не помнил. Очнулся в госпитале. После излечения он воевал ещё год, снова был ранен. В конце 1943 года его

П.М. Харламов с женой в период службы на Курильских островах. 1950-е годы.

направили на учёбу в военное училище, находившееся в городе Невель Псковской области.

В своих рассказах о войне дядя никогда не кичился воинской доблестью. О ней красно речиво свидетельствовали его высокие награды — орден Боевого Красного Знамени и орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги». После войны дядя несколько лет служил на Курилах, на острове Уруп.

Уже в 1970-х он вспомнил один комичный случай, но тогда он таким не казался. Однажды к острову подошла американская эскадра. В гарнизоне объявили боевую тревогу. При этом огневая мощь всех гарнизонных пушек уступала силе одного носового орудия американского линкора. Случись бой, от острова ничего бы не осталось в течение нескольких минут. Наши пытались связаться с Большой землёй, узнать, не началась ли война. А на американском линкоре с наступлением темноты зажгли иллюминацию и на всю мощь врубили динамики, которые вдруг запели по-русски: «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт!» И так всю ночь. Рано утром бывшие союзники тихо снялись с якоря, будто их и не было.

Дядина мать, моя бабушка Матрёна, жила тогда у нас, и письма с Курил приходили к нам. Это были очень трогательные послания. Помню, надпись на одной из фотографий, при-

сланной Петром Матвеевичем матери, заканчивалась словами «Только не плакать!» Телеграмму о её смерти дядя получил на далёком острове дня через три после похорон.

С середины 1950-х годов и до ухода в отставку Пётр Матвеевич Харламов служил в городе Белая Церковь на Киевщине. В те годы он почти каждое лето навещался на родину, в село Покровку. Гостил и у нас, в соседней Ивановке. Каждый его приезд был настоящим праздником. Дом наполнялся удивительными запахами военной формы, дорогих папирос, одеколона. Дядя любил всех одаривать гостинцами, при этом радуясь, как ребёнок. Помню, преподнёс он мне красочную книгу «Македонские сказки», добродушно пояснив: «Македония — это в Югославии». Вставал дядя очень рано, шёл на речку, умывался родниковой водой и поднимался на Красную гору, возвышавшуюся над нашим селом. На вопрос моей мамы, почему ему не спится по утрам, он ответил: «Счастлив тот, кто после странствий встречает солнце на своей родине».

Последние годы жизни Петра Матвеевича прошли в городе Валки Харьковской области. С 1970 года я бывал там трижды, последний раз — на похоронах дяди в декабре 1975-го. Перечитываю его письма и поражаюсь, как заинтересованно он следил за моим человеческим и профессиональным становлением,

П.М. Харламов и И.Г. Коннов.
Бузулук, 1975 год.

радовался моим успехам, огорчался неудачам. Дядя был мне не только добрым наставником, советчиком, но и настоящим другом. Нас сближала любовь к прекрасному: к искусству, литературе, музыке, песне. Меня как филолога поражала не только его начитанность, но и умение анализировать литературное произведение, точно улавливать его суть, замысел автора.

Записные книжки, которые дядя вёл во время учёбы в училище и впоследствии, заполнены заметками о прочитанных книгах, характеристиками героев, понравившимися цитатами. Что читал тогда молодой офицер? «Пётр Первый» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского,

«Далеко от Москвы» В. Ажаева — это далеко не полный перечень. Как всякий фронтовик, Пётр Матвеевич высоко ценил творчество К. Симонова. Среди полусотни популярных песен, переписанных дядей в блокнот в 1944 году, я нашёл знаменитое стихотворение «Жди меня», которое миллионы людей на фронте и в тылу повторяли как молитву.

Обнаружил я в одной из записных книжек и свидетельство потаённой народной любви к Сергею Есенину. Его почти не издававшиеся тогда стихи ходили в списках, их копировали, передавали из рук в руки, из уст в уста. Тексты часто утрачивались, тогда люди досочиняли их на свой лад. Записанная дядей песня «Троечка» начиналась известными строками Есенина:

*Вечер чёрные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость
пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?*

Далее шли самостийные куплеты о несчастной любви и разбитом сердце в духе жестокого романса. Заканчивалась песня тоже почти есенинской строфой:

*Может, завтра совсем по-иному
Я уйду из Вселенной навек
Слушать песни дождей
и черёмух,
Чем здоровый живёт человек.*

У дяди была великолепная коллекция грампластинок. Весной 1973 года я провёл у него несколько дней отпуска и часами слушал записи старинных романсов и вальсов, эстрадных песен 1940—1960-х годов в исполнении Л. Утёсова, К. Шульженко, Г. Виноградова, И. Юрьевой. Тогда я впервые услышал опального певца Вадима Козина, буквально сводившего с ума довоенную публику. Его необычайно красивый, полный сердечной печали голос просто завораживал:

*Осень, прозрачное утро,
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное, раннее...*

Эта песня, точная и узнаваемая примета времени, звучит

сейчас во многих фильмах о войне и послевоенной эпохе.

Военное лихолетье, ранения, тяжёлая служба на Курилах основательно подорвали здоровье Петра Матвеевича. В последние годы он много болел, лечился, но тяжкие недуги взяли верх, и на 55-м году жизни его не стало. Похоронен дядя вдали от родных мест, под Харьковом. Семейная жизнь у него не ладилась, детей не было. Грустно об этом думать, но его прах даже в День Великой Победы навестить некому. Получилось как в песне, которую он когда-то любил напевать:

*Над твоей могилой соловей
поёт,
Липа вековая весной
расцветёт...*

Памятник героям керченско-феодосийского десанта.

Песни, защищавшие Отчизну

Влияние музыки на человека, его сознание и поведение трудно переоценить. Она может возвысить человека или оказать на него разрушительное воздействие, как это случилось с поколением 1980–1990-х годов, на которое обрушились все прелести масс-культуры: рок, рэп, клипы, комиксы и прочее. «Когда попса бурным потоком хлынула в СССР, он попросту развалился», — сказал тогда замечательный композитор Владимир Дашкевич. По его мнению, музыкальные суррогаты способны воспитать только маргиналов, «Иванов, не помнящих родства». Мыслящего человека, личность, истинного патриота может сформировать только настоящая музыка, классика, будь то симфония или песня.

Такая музыка была создана в годы Великой Отечественной войны. В самые драматические дни блокады в осаждённом Ленинграде прозвучала знаменитая Седьмая симфония Шостаковича. Особенно сильное, поистине ошеломляющее впечатление на людей произвела первая её часть — «Нашествие». Эту музыкальную тему на следующий день повторяли и взрослые, и дети. Сознание того, что фашизм грозит гибелью всей русской цивилизации, рождало высокие патриотические чувства, стремление к подвигу, к самопожертвованию.

Огромную роль в мобилизации советских людей на разгром врага сыграла песня. Став грозным оружием, она поднимала дух и силы народные, перед которыми не смогла устоять отлаженная гитлеровская военная машина.

Говоря о музыкальных произведениях, вдохновлявших советский народ в годы военного лихолетья, прежде всего мы вспоминаем песню «Священная война». Она воплотила в себе всю гамму чувств, которые бушевали в сердце каждого человека в первые дни войны. Здесь и праведный гнев, и боль за страну, и тревога за судьбы близких и родных, и ненависть к фашистским захватчикам, и готовность отдать жизнь в борьбе с ними. Под эту песню шли добровольцы на призывные пункты, под неё уходили на фронт, с ней трудились оставшиеся в тылу женщины и дети. «Вставай, страна огромная!» — призывала песня. И страна встала. И выстояла. А потом праздновала Великую Победу.

Как родились чеканные, вдохновлявшие на битву с врагом строки «Священной войны»? 22 июня 1941 года редактор газеты «Красная звезда» генерал-майор Д. Ортенберг, размышляя о первом военном номере, решил поместить в нём стихи. Но их под рукой не оказалось. Вызвал литсотрудника, дал поручение. Тот сел за телефон, но никто из поэтов, как на грех, не отвечал. Удалось связаться только с В.И. Лебедевым-Кумачом. Он пообещал

«Священная война»

Василий
Лебедев-Кумач

Александр
Александров

Создатели песни – призыва к всенародной войне.

щал написать стихи к утру. «На следующий день, — вспоминал редактор, — заходит ко мне человек среднего роста, светлоглазый, с золотистой шевелюрой. Это и был Василий Лебедев-Кумач... Стихи немедленно пошли в набор». Газета опубликовала их 24 июня, и в тот же день стихи вдохновенно, захватывающе прочитал по радио артист Малого театра Александр Остужев. Услышав их, руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии А.В. Александров сразу же сел за рояль. На другой день, придя на репетицию, композитор объявил: «Будем разучивать новую песню — "Священная война"». Он написал мелом на грифельной доске слова и ноты песни (печатать не было времени), а певцы

и музыканты переписали их в тетрадки. Ещё день — на репетицию с оркестром, вечером — премьеры на Белорусском вокзале, узловом пункте, откуда в те дни отправлялись на фронт воинские эшелоны.

В зале ожидания был сколочен из свежевыструганных досок помост — своеобразная эстрада. Артисты ансамбля поднялись на это возвышение, и у них невольно зародилось сомнение: можно ли выступать в такой обстановке? В зале шум и гам, резкие команды, звуки радио. Слова ведущего, который объявляет, что сейчас впервые будет исполнена песня «Священная война», тонут в общем гуле. Но вот поднимается рука Александрова, и зал постепенно затихает... Волнение оказалось напрасным.

С первых же тактов песня захватила бойцов. А когда зазвучал второй куплет, в зале воцарилась абсолютная тишина. Все встали, как во время исполнения гимна. На суровых лицах появились слёзы. Песня утихла, но бойцы потребовали повторения. Вновь и вновь — пять раз подряд! — пел ансамбль «Священную войну». Так начался славный и долгий путь песни. С этого дня «Священная война» была взята на вооружение нашей армией, всем народом, стала музыкальной эмблемой Великой Отечественной войны. Её пели всюду — на переднем крае, в партизанских отрядах, в тылу, где ковалось оружие победы. Каждое утро после боя кремлёвских курантов она звучала по радио.

В ноябре 1941 года на Пушкинской площади в Москве, возле редакции журнала «Новый мир», затормозил фронтальной грузовой. Спрыгнувший с него младший лейтенант вбежал в редакцию, бросил на стол дежурному сотруднику листок с написанными от руки стихами и убежал к ждавшей его машине, даже не назвав своей фамилии. Это был редактор дивизионной газеты «В бой за Родину» 243-й стрелковой дивизии Калининского фронта Марк Лисянский. Стихи его были опубликованы в декабрьском номере журнала. Их строки прозвучали клятвой всех защитников Москвы, вступивших в решающее сражение на подступах к столице:

*Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков
и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить
двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.*

В начале 1942 года номер «Нового мира» со стихами М. Лисянского попал в руки руководителя ансамбля Центрального Дома культуры железнодорожников И.О. Дунаевского. Ансамбль в то время курсировал в составе агитпоезда по Транссибирской магистрали. Под впечатлением стихов композитор тут же, в купе, на полях журнала написал мелодию будущей песни. Её премьера состоялась весной того же года в Москве. На одном из правительственных концертов её услышал и похвалил Сталин. Песня зазвучала по радио, вскоре была выпущена грампластинка с её записью.

Заказами на песни в годы войны были загружены все композиторы, независимо от того, в каком жанре они больше любили работать. Автор замечательных военных песен «Эх, дороги», «Вася-Василёк», «Смуглянка» Анатолий Григорьевич Новиков вспоминал: «Холодная московская квартира. Ежедневно у меня гости с фронта: руководители армейских ансамблей, командиры, бойцы. Все за новыми песнями. Я их понимаю: фронт хочет петь!»

Когда началась война, Тихону Николаевичу Хренникову

было 28 лет, он уже был достаточно известным композитором, написав оперу «В бурю» и музыку к снятому весной 1941 года фильму Ивана Пырьева «Свинарка и пастух». Этот фильм в самые драматические дни начала войны оказался как нельзя кстати. Его смотрели по несколько раз — смотрели и плакали, вспоминая довоенную жизнь. Вид неразрушенной мирной жизни помогал найти равновесие в военных невзгодах, сглаживал тоску, умножал терпение. Песни из картины на музыку Хренникова распевали всюду. В 1944 году Тихон Николаевич написал музыку к ещё одному фильму И. Пырьева — «В 6 часов вечера после войны». В нём тоже много лирики и песен, особенно запомнился зрителям «Марш артиллеристов». Александровский ансамбль взял его в свой репертуар. Среди других военных песен Т.Н. Хренникова наиболее популярными стали «Все за Родину», «Есть на севере хороший городок», «Прощание» («Иди, любимый мой, иди, родной»).

«Оружие у нас есть. Пришли-те нам песню», — такая радиogramма поступила осенью 1942 года в политуправление фронта от начальника Брянского штаба объединённых партизанских отрядов А.П. Матвеева. Выполнить эту просьбу взялись поэт Анатолий Софронов и композитор Сигизмунд Кац. На одном дыхании родились слова и мелодия песни о народных мстителях:

*Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.*

Предполагалось сперва послушать новую песню в хоровом исполнении, а затем передать по радио. Но тут представился совершенно особый случай. Накануне 25-й годовщины Октября в немецкий тыл вылетал самолёт с оружием, боеприпасами и медикаментами. Узнав об этом, Анатолий Софронов попросился лететь с ним. Самолёт был загружен до предела, но командование отдало приказ: поэта на борт взять. И вот в ночь на 7 ноября 1942 года на праздничном собрании в партизанской землянке состоялось первое исполнение песни, которая вскоре станет знаменитой, облетев всю страну. Первыми её слушателями были бородатые люди с автоматами в руках, а первым исполнителем — один из авторов. Песня «Шумел сурово Брянский лес» понеслась от землянки к землянке, от костра к костру, вдохновляя народных мстителей на священную борьбу с оккупантами.

В первые месяцы войны большинство композиторов были убеждены, что фронту нужны только мобилизующие, зовущие на бой песни. Это оказалось не совсем так. В сердце солдата на равных с боевой, героической была песня лирическая, подчас скромная и непритязательная.

К.И. Шульженко выступает перед защитниками Ленинграда.

Первыми на это обратили внимание исполнители. Командование одной из воинских частей обратилось к Клавдии Ивановне Шульженко с просьбой выступить не в гимнастёрке, а в довоенной одежде, такой, какой её привыкли видеть в мирное время. Эта просьба была в том же ряду, что и желание слушать мирные, довоенные песни, которые принимались в боевой обстановке с особым удовольствием. Они были для солдата своеобразным мостиком, не только связывающим его с прошлым, но и перекинутым в будущее. Как много могли сказать бойцу незатейливые, на первый взгляд, слова романса «Руки», который певица с успехом пела до войны:

*Нет, не глаза твои я вспомню
в час разлуки,
Не голос твой услышу
в тишине, —
Я вспомню ласковые,
трепетные руки,
И о тебе они напомнят мне.*

В репертуаре певицы ещё с довоенного времени была песня «Синий платочек» польского композитора Ежи Петербургского на слова Якова Галицкого. Лёгкая, мелодичная песенка-вальс нравилась Клавдии Ивановне, но текст казался ей рядовым, банальным. И вот весной 1942 года после концерта в прифронтовой полосе к певице, окружённой бойцами, с трудом протиснулся молоденький офицер и, назвавшись лейтенантом

Максимовым, протянул ей листок со стихами: «А музыка из «Синего платочка», вы наверняка знаете». Подняв листок к глазам, певица прочла:

*Помню, как в памятный вечер
Пал платочек твой с плеч,
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь.*

Обновлённое стихотворение было таким же безыскусным, как и его автор, но Шульженко сразу же уловила в нём главное — настроение молодого фронтовика, ещё утром сидевшего в окопе: «Строчит пулемётчик за синий платочек, что был на плечах дорогих!» Так синий платочек из символа девичьей любви

и верности превратился в драгоценный залог, данный самой Родиной её защитнику — бойцу.

После культового фильма Леонида Быкова «В бой идут одни "старики"» сложилось впечатление, что украсившая картину песня «Смуглянка» была с бойцами всегда — от начала до конца войны. Однако это не совсем так. Композитор А. Новиков и поэт Я. Шведов написали «Смуглянку» в 1940 году, посвятив её партизанам Гражданской войны. Созданная на основе молдавского фольклора песня была по своему складу лирической, игровой. С её исполнением сразу как-то не заладилось. Когда началась Великая Отечественная война, А. Новиков предложил «Смуглянку» на ра-

Композитор Борис Мокроусов, поэт Алексей Фатьянов и певец Георгий Абрамов — творцы легендарных советских песен военных лет.

Выступление фронтовой бригады. Поёт Вера Красовицкая.

дио, но там её забраковали. «Какая тут любовь, свиданья-расставанья, когда идёт такая тяжёлая война? Вы же автор героических песен», — попеняли композитору. Эти доводы прозвучали тогда убедительно, и «Смуглянка» была положена в самый дальний ящик письменного стола. Вероятно, так бы она и осталась там, если бы не случай. «Как-то в 1944 году мне позвонил художественный руководитель Краснознамённого ансамбля А.В. Александров, — вспоминал Новиков, — и спросил, нет ли у меня новых песен. Я принёс ему несколько новинок, в том числе и «Смуглянку». К великому моему удивлению, именно эта весёлая лирическая песенка про любовь молдавской девушки больше всего понравилась прославленному

музыканту». Впервые александровский ансамбль исполнил «Смуглянку» на концерте, состоявшемся в столичном зале имени Чайковского. Публика встретила её восторженно. Самое любопытное, что концерт транслировался по радио, по тому самому, где в своё время категорически отвергли песню про «любовь, свиданья-расставанья».

Интересно сложилась судьба легендарной «Катюши», по праву признанной самой исполняемой фронтовой песней. Всенародно любимой она стала ещё до войны. Сначала поэт Михаил Исаковский предложил слова «Катюши» композитору Владимиру Захарову, с которым уже создал популярные песни «И кто его знает», «Вдоль деревни», «Зелёными просторами».

Но Захарову стихи почему-то не приглянулись. Тогда поэт обратился к Матвею Блантеру. «Вслушиваясь в слова Исаковского, — вспоминал композитор, — я заметил, что в стихотворении его очень звонкая интонация. И в частности, вот что: бѣрег, на́ берег! Какая причудливая игра ударений! Ну, прямо-таки как в весёлой народной припевке». Эта деталь окончательно определила подвижный характер «Катюши».

Исаковский и Блантер стали вместе искать, какой быть песне. Тема Родины, защиты её от посягательств врага стала в песне самой злободневной и важной. Поэт и композитор нашли очень верную интонацию, и «Катюша» гордо зазвучала как песня не о грусти разлуки и расставания, а о долге бойца, о верности девушки в любви, которая помогает защитнику родной земли нести нелёгкую службу на «дальнем пограничье».

Премьера песни состоялась 27 ноября 1938 года в Колонном зале Дома Союзов, где «Катюшу» спела солистка Государственного джаз-оркестра под управлением Виктора Кнушевицкого Валентина Батищева. По воспоминаниям Матвея Блантера, «когда после всей нашей программы на сцену вышла эта девочка и спела песню, в зале стоял стон от аплодисментов». Никак не хотели зрители отпустить со сцены молодую певицу, и она трижды спела «Катюшу» на бис. Вскоре

песню стали исполнять другие певцы и певицы — Георгий Виноградов, Лидия Русланова, Вера Красовицкая, а вслед за ними профессиональные и самодеятельные хоровые коллективы. Едва появившись, песня стала знаменитой, родной и близкой миллионам людей.

По-новому зазвучала «Катюша» в годы Великой Отечественной войны. В народе появились десятки её новых вариантов. Кем только не была в них героиня песни! И бойцом с автоматом в руках, и верной подругой солдата, ждущей его возвращения с победой, и фронтовой медсестрой... Но не только в песнях жила в ту суровую пору Катюша. Её именем ласково окрестили новое грозное оружие, наводившее ужас на врага, — гвардейские реактивные миномёты. О них красноармейцы запели на свой лад:

*Пусть фриц помнит русскую
«катюшу»,
Пусть услышит, как она поёт.
Из врагов вытряхивает души,
А своим отвагу придаёт!*

Песня широко распространилась и за рубежом. Её полюбили и перевели на английский, французский, немецкий, китайский языки. В Финляндии она известна как «Karjalan Katjuusa» («Карельская Катюша»), в Израиле — «Катюшка», а в Италии сразу в двух вариантах — «Катарина» и «Fischia il vento» («Свистит ветер»). Последний, кстати, был

Лидия Русланова выступает на ступенях поверженного рейхстага 2 мая 1945 года.

гимном итальянских партизан, сражавшихся с фашизмом. Когда в 1957 году М. Исаковский был в Риме, ему сказали, что «Катюшу» знают 80 процентов населения Италии. Поведали и о таком факте: после победы Папа Римский пожелал увидеть наших воинов, воевавших в рядах Сопротивления; когда они заходили в Ватикан, то дружно грянули «Расцветали яблони и груши».

Немало лирических шедевров родилось в годы войны. Кто из фронтовиков не помнит «Огонёк» М. Никоненко, «В лесу прифронтовом» М. Блантера

(обе песни на слова М. Исаковского), «В землянке» К. Листова и А. Суркова, «Случайный вальс» М. Фрадкина и Е. Долматовского, «Играй, мой баян» В. Соловьёва-Седого и Л. Давидович?

В 1942 году на Ташкентской студии шли съёмки фильма «Два бойца». Режиссёр Л. Луков попросил композитора Н. Богословского написать песню для фильма. «Луков так зримо обрисовал ситуацию, — вспоминал композитор, — так ярко передал чувства героев, их внутреннее состояние, так взволнованно и талантливо рассказал тему песни и её настроение, что

произошло чудо: я сел к роялю и сразу, без единой остановки, сыграл ему мелодию будущей песни. Так она и вошла потом в фильм без изменений — случай в моей практике единственный. Песня пришла сама, откуда-то из глубины сознания. Видимо, сказалось то, что я часто бывал на фронте, видел людей, о которых и для которых писал». На экране песня «Тёмная ночь» прозвучала в исполнении Марка Бернеса, а во время визита Черчилля в Москву эту песню попросили спеть Ивана Козловского.

Как бы незначай вылилась из сердца композитора В. Соловьёва-Седого раздумчиво-грустная песня «Вечер на

рейде». В августе 1941 года его вместе с поэтом Александром Чуркиным направили в порт, где они, как и тысячи ленинградцев, растаскивали брёвна, убирали территорию, чтобы уменьшить опасность пожара от зажигательных бомб. По окончании долгого трудового дня они присели отдохнуть на борту разгруженной баржи. Был поздний ленинградский вечер. Ничто не напоминало о войне. В заливе, окутанном синей дымкой, стоял на рейде корабль. С него доносилась тихая музыка: кто-то играл на баяне. Когда отправлялись домой, композитор сказал: «Чудный вечер. Стоит песни». По возвращении домой Чуркин сел писать стихи, а Соловьёв-Седой — музыку. Через три дня родилась новая песня — «Вечер на рейде».

Композитор и поэт понесли её в Дом композиторов. Там песню нашли слишком спокойной, даже заунывной и, как было сказано, не отвечающей требованиям военного времени.

Соловьёв-Седой отложил песню, и она пролежала в его чемодане год. После того как вокруг Ленинграда замкнулось кольцо блокады, Соловьёв-Седой, незадолго до этого эвакуированный в Оренбург, вновь представил свою песню на суд коллег. Они назвали её «цыганщиной», и композитор опять отложил песню. Но в марте 1942 года она всё-таки зазвучала и стала народной. Вот как это произошло. Соловьёв-Седой с созданной им театральной бригадой «Ястребок» давал концерт в солдатской землянке. До передовой было

Марк Бернес поёт песню «Тёмная ночь». Кадр из кинофильма «Два бойца».

и вместе с ними прошла всю войну — до самой Победы, прозвучав на ступеньках рейхстага в исполнении блистательной, всенародно любимой Лидии Руслановой. Песня вдохнов-

ляла воинов на смертный бой, подбадривала весёлой и озорной шуткой, вместе с ними грустила об оставленных любимых, напоминала о Родине, которую они защищали.

«На солнечной поляночке, дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке играет про любовь...»